



Библиотека журнала «Встреча»

ФАРИДА
СЕРДЦЕ



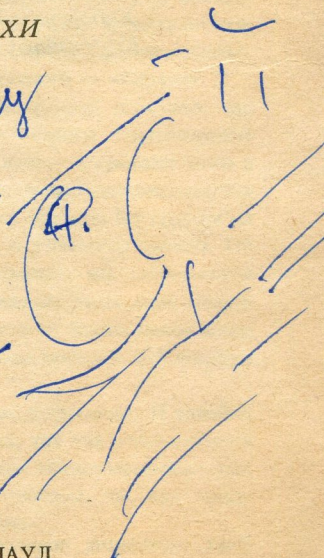


ФАРИДА
ГАБДРАУПОВА

СЕРДЦЕ

СТИХИ

Винашки,
ло сәу һәм
орду һәм
деңгез һәм
бүткән.



БАРНАУЛ
1993

*Редактор Н. Бажан
Художник В. Котеленец
Корректор А. Дмитриев*

Всех желающих подписаться на журнал «Встреча» и приложение к нему просим перевести 1000 руб. на счет 609031 в АРФ Россельхозбанка г. Барнаула, МФО 101017.

Впервые я увидел ее на «Роднике» (так называлось литературное объединение). Привлекло внимание то, что она не вписывалась в ряды озабоченных лиц. Как Дон Кихот, воюющий с мельницами, Фариди хотела зажечь присутствующих. Тогда ее усилия были тщетными. Но такой она и остается — приходящей в мир с пожаром чувств. Ранимость Фариди защищена ее искренностью. Она без притворства любит и ненавидит. «Мне любопытным близоруким взглядом вечно смущать прохожих, красоту лица», — пишет она в одном из своих стихотворений. Именно в этом вечный двигатель ее души. Отсюда, видимо, и название книги Фариды Габдрауповой — «Сердце».

«По грани роковой, по острию каната, плясунья, так пляши, пока не сорвалась...» — строки стихотворения Беллы Ахмадулиной как нельзя лучше открывают окно в характер Фариды. Иногда эмоциональность выплескивается за рамки стихов, и отсюда желание оборвать бег строчек на полпути для улучшения качества и утончения смысла. Но индивидуальность ее таланта затмевает все погрешности набирающего зрелость пера. Пожалуй, лишь одну можно поставить в упрек молодой поэтессе — боязнь накопления прожитых лет. Она хочет быть всегда молодой. («А впереди был ноябрь голый...»)

Первая книга, ее всегда ждешь с трепетом. И вдвойне приятно то, что здесь нет вакуума, так как этого события ждет не только автор, но и читатель. «Ваши тюльпаны, как части разбитого сердца...» — трагедия, но как предвкушение радости в завтрашнем дне.

Николай Бажан

Я знаю,
любовь — старый гном в цветном колпаке,
иллюзионист с карманным фонариком.
Он нанизывает
на струи табачного дыма наши сердца
и жует, и заглатывает,
как шашлык.
А потом возвращает нам глиняные слепки
и дряблые комочки,
сморщенные от кашля.

Леонид Черевичник

МУЗЫКА

Стекло вдребезги.
Душа вразлет
По воздуху, к огню,
Где музыка горит
Скрипичным фейерверком.

Бегу...
По ночи...
Рождество,
Еще не Новый год.
В груди тюльпаном жгучим
Сердце
И чувств круговорот.
Еще не Принц Щелкунчик,
Но в музыке размах к возвышенному свету.
Вот фонари-цветы,
А вот летит мой Принц.

Не знаю ни сюжета,
Ни действующих лиц.

* * *

Осень кусками глотает жизнь,
Словно голодный зверь.
Вот он, пятнистый, за мной бежит,
Демон пустынных сфер.

Некуда спрятаться, красный лист —
Глаз кровожадных блеск.
Ветер — пантера, ветер — пятнист,
Кожу срывает и ест.

Давится осень серой листвой,
Сладким сердцем моим.

* * *

Мне любопытным близоруким взглядом вечно
Смущать прохожих, красоту ища.
Идти по улице несмело, как по речке,
Скрывая яркость своего плаща.

Вдруг озаренье молнией случайной,
Зеленый дождь на грустные скамейки,
Античный юноша с бесцветными очами
И носом тонким, как звучанье флейты,

Исчезнет за углом, и не догнать.

* * *

Сутулая,
Молодая,
Иду,
Каблуками стучу.
Осень.

Одна я.

Лишь тень моя
Фонарная
Рядом шагает,
Черная.

Грустно очень.

И шляпа моя прямая,
И волосы рвутся в клочья.

Темно.

И лишь фонари,
Как точки,
Как армия полуночных,
Дорогу мне освещают.

Холодно,
Все равно...

Промозглая осень
Кашляет вечной простудой,
А дождь проникает внутрь
Сквозь одежду и кожу,
И месиво листьев —
Гниющая ржавая грудка,
И в лужах вода
Устала от ряби и дрожи.

Осенний огонь
Пожирает цветы и улыбки.
Что дорого было,
То — даром, и в мусоре астра,
И скоро застынет
В заледенелой глыбе,
Как памятник жизни,
Когда-то красивой и страстной.

Пойдешь танцевать со мной
Под осенним дождем?
Хотя'бы затем,
Что все мы когда-то умрем...

* * *

Любовь — лучезарный дворец,
Где витают высокие лица.
Хмельным золотым виноградом
Увита ограда.
И надо успеть во влажную вечность пролиться
Со скоростью крови, длиной безмерной строки,

И сердце отдать и отжать,
Как виноградную кисть.

ДА!

А впереди был ноябрь горький,
Голые ветки, больное горло,
Да! И день твоего рожденья
В хмуром обмороке октября.
С нами ободранный осенью город,
Ветер, трамвай, телефонный сговор,
Да! И любовь слепым наважденьем,
Где я опять увижу тебя?

Выпадет снег, первейший и чистый,
Станут большим ожиданием числа,
Да! Понедельники и воскресенья,
Свежие лица и синий снег.
Жить, чтоб любить иль любви учиться,
Да! Для свиданий нужны причины...
Только несусь, как цветок весенний,
«Да!!!» — протянутое ко мне.

* * *

Как будто в речке
Золотую рыбку
Ловить —
Ловить твой взгляд.
И жадно шарить темноту,
Чтоб руку отыскать.
И как тяжелые цветы
Бросают
На рояль,
Так ты
Неловко и случайно
Рожаешь музыку во мне.

* * *

Плакать нельзя. Улыбка — хороший щит.
Я уйду. Меня никогда не ищи.
Мир деловой не по мне раскрыт и спит.
Я надеваю сказочные плащи.

Вместе попьём последний коричневый чай.
Тлеет наивности вздернутая свеча.
Как оборваться, спокойно сказать: «Прощай!»
Быстро уйти, каблуками нервно стуча.

В КУХНЕ

В кухне, где правит пузатый кофейник
С запахом кофе и табака,
Я восседаю, как старая фея,
На табурете хромом.

В кухне, где скудны съестные трофеи,
Хлеб, как забытая вещь с чердака,
Я одиночествую, как профессор,
Как астроном.

В кухне, куда уйду от аффекта,
Так, отключаюсь от жизни слегка,
Можно услышать слезы Офелии
В плеске дождя за окном.

* * *

Словно подрезали вену в холодной воде,
Пахнет весной и ветром, волей и влагой,
Миром, раскрытым на несколько светлых недель,
Сном предрассветным, далеким огнем и благом,

Белой бумагой, с которой бы жизнь начать
С невыразимой, зовущей, весенней дрожью.
Дверь, от которой так долго не знали ключа,
Чуть приоткрылась, и хлынул поток тревожный

Скрытым движеньем в горячую кровь мою.

А.

Светлой весны тебе,
Долгая радость моя!
Страсть неизбывна,
И в этом ее совершенство.
В чреве апреля
Чернеет от солнца земля,
Как оправданье
Нечаянных сумасшествий.
Вот и уходит
Вместе с любовью зима.
Зелень залечит
Зельем сердечные травмы.
Я добровольно
Шествую из ума
В синий апрель
И в новорожденные травы.

* * *

Ваши тюльпаны, как части разбитого сердца!
Тонких артерий зеленая влажная хрупкость
Не вырывайте сердечные заусенцы,
Красных цветов в небрежно разорванных юбках.

Тысячелетья одно и то же — май и тюльпаны.
Тысячи листьев и лепестков на память.
Чтобы весна попусту не пропала.
Боже, как нежно! И страшно потрогать руками..

ГЛАЗА

Два огромных чернослива
Мне сегодня подарили.
В темных заводях плескались
Рыбки с бархатным хвостом.
Оттого ли мне игриво
И легко, и хвост павлиний
За спиною распускаю
В веере крутом.

В белой раковине глаза
Черный жемчуг изумляющ!
В этих спелых сочных вишнях
Жадной молодости взмах.
Смотрит, не моргнув ни разу,
Потому и изощряюсь,
Как перед богатым нищий,
Перед ним в стихах.

* * *

Милый!
Весна наступила
Грязной ногою на сердце.
Жаль, не живу по соседству
И не увижу тебя.

Милый!
Весна пробила
Душу мою и тело,
Голубем пролетела,
Я не увижу тебя.

Милый!
Весна!
Весна!

Я не увижу тебя.

* * *

Это изнеженная прозрачная часть руки,
Изнанка острого, шершавого локтя,
Спрятанная в изгибе.
Её открыли наркоманы и врачи,
Посягающие на тайну синих пульсирующих вен.
И если к ней иногда
Не склоняться губами,
Очень хочется уничтожить её
Резким поцелуем ножа.

ОТРАЖЕНИЕ

Уберите от меня это лицо,
Закройте все зеркала.
Эта девушка скоро умрёт,
А я еще жить хочу.
Но уже безнадежно пунцов
Скороспелый высокий закат,
Тянет тиною от болот,
И тревожно от страшных чувств.

* * *

Игорю

Как с корнем вырывают из ушей
Серьги с драгоценным камнем.
Как бегут из большого ясного города,
Я оставляю тебя другим,
Мой единственный, мой желанный,
Осенним октябрем, когда мокро и холодно.

Как отчаянно сбрасываются с края обрыва,
Как отрекаются от состояния,
Я оставляю тебя,
Мой выстраданный, мой любимый,
Мокрой осенью в желтом сиянии.

Как обрести мне легкость и свободу листьев,
Так просто и светло оставляющих родное дерево?

Мой поезд с открытыми окнами.
И я, как всегда, у окна.
В дорожной пыли мои локоны,
А грубый костюм — из сукна.

Но мне хорошо в этом поезде,
В пути неразрывных колец,
Колес, стучащих не порознь,
Сердец, пробежавших с крылец.

И цепи еще не разорваны,
Но окна — зловещая пасть.
Упасть и рассыпаться зернами
Легко, как невесту украсть.

* * *

Милый, запомни движение шеи
В вечном прорыве сквозь тьму,
Голову в шляпе старинной и шелест
Шага в иную страну.

Милый, приемствуй на добрую память
Гордых ресниц размах,
Черных зрачков ненасытное пламя
В мир из глубин ума.

Милый, в перчатке рука бессмертна,
Длинен прозрачный шарф.
Милый, смотри, как легко и смело
Я сочиняю шаг.

* * *

Блеск в глазах и бедная одежда,
Это я — мне восемнадцать лет,
Я о жизни небывалой грежу,
А потом мне волосы отрежут
И нарядят сгорбленный скелет.

Купила шубу, шляпу, шарф и туфли,
Да только вот глаза мои потухли.

Песком!
Засыпьте меня песком,
Желтым, могильным.
Он так пахнет морем,
Ни мором, ни моргом,
Морды
Цветов и собак
Пускай на меня посмотрят.
А вы уберите
Свои бытовые лица,
Убийцы!
Страницы
Стихов положите к моим ногам,
И не жалейте золота
Лесного песка.
Лесом, песком и морем
От мира отгородите
И
Отойдите.

ЛЮБОВЬ ВЕЛИМИРА

*«Сердцу влюбленному
негде укрыться от боли»*

(А. Блок)

Ты сидишь у морского камня,
А на крыльях — обрывки сплетен,
И души твоей старую ставню
Разбивает жестокий ветер.

Ты сидишь. Не поможет и заумь,
Странник божий, таинственный некто,
Ты узнал: она вышла замуж
За какого-то архитектора.

Смотришь в небо, проводишь оси,
Ищешь времени скрытый пульс,
Но придет твоя черная осень,
И я тоже — не повторюсь.

— Вы мне сделали очень больно.
Сколько сил эта боль уносит!
— Это часто бывает с любовью:
Просто так, не совпали оси.

Сам себе ты и счастье и горе,
Дранный гений с глазами птицы,
Нереальный, реальный корень
Из немыслимой «чет единицы».

— Как от холода сердце сжалось!
Что же нужно им: денег? славы?
Значит, все-таки вышла замуж—

И в века убежал, как в травы.

* * *

Велимиру Хлебникову

Назад много лет, как ты умер.
Твой сад и цветы — уже прах.
А я все цветы караулю,
И вся в неизбывных цветах.

Цветы — все равно пропадать им.
Не ты — перебродишь мой сад.
Пусты мои белые платья.
Цветы на могиле лежат.

Изменчивый март обещал облегченья
То ветром, то снегом, то свежим ручьем.
Кому рассказать ледяное мученье,
Лица не упрятать в худое плечо.

А редкий снежок, покрывающий лужи,
Как шанс обрести долгожданную связь,
Но кто здесь кому по-хорошему нужен?
Секунды, снежинки слетаются в грязь.

Лишь в марте, когда под ногами водица
И резкой прохладой пронзает лицо,
Так хочется с миром соединиться,
А то превратиться и приземлиться
На голую ветку горластым птенцом.

* * *

Весны ароматный последний месяц,
День ангела твой, как свободы глоток.
Смущенного сердца цветочное месиво,
Надушен весною холодный платок.

О, этот весенний сжигающий холод,
И этот негреющий шелковый шарф.
Простуженный взгляд из-под шляпы, походка,
Шуршанье плаща и перчаток — душа.

И кажется мне, что весна быстротечна
И так непромешиваемо тяжела.
Разверзнуты губы иллюзией вечной,
Что вот и пришла, наконец-то, пришла...

* * *

Чтобы эту тоску уменьшить,
Чтобы разум и сердце вернуть,
Возьмите меня в свои женщины,
Хотя б на пятнадцать минут.

Я не ведаю, что унизительно,
Где предел и откуда грань,
Все равно мне, что скажут зрители,
Ты — и сердце болит с утра.

Назови меня наглой и грешной,
Что в мозгу моем бедном сдвиг,
Но возьми меня в свои женщины,
Хоть на миг.

* * *

Я знаю кратковременность весны,
Смятенную невинность обнаженья,
Где белое с зеленым — это сны,
А остальное — воображенье.

Потом наступит красного пора,
Реальность обнажит свои каноны.
Рука, губа, кровава и стара,
Сорвет с волос воздушную корону.

И чем короче и белее сны,
Тем дольше будет падать та корона.

* * *

Мы не жильцы и не продолжатели рода.
Мы одинокие нарциссы,
С задранной головой,
Смотрящей, как в зеркало, в небо.
Мы несем себя, как слепые,
Не замечая преград.
Люди смотрят на нас ошарашенно,
С завистью
Оглядываются
И идут в другую сторону.
А когда мы падаем,
Влепливаемся в стену
Или становимся камнями,
Они покачивают головами,
Крестятся
И уходят от греха подальше.

* * *

Сегодня ночью вся черемуха погибнет,
Такой безжалостный и беспощадный ливень.
А ночь короче свадебного гимна,
А пальцы ливня холоднее глины.

Есть ночь одна посередине мая —
От аромата валит, как от яда.
Вот и меня, как веточку, сломают,
Мне не дожить до осени и ягод.

* * *

Это март для больного мытарства,
Для стихов не от жизни сладкой,
Где дождя дармовое лекарство,
Где насквозь и навывлет прохладно.

Март бесстрашный и март пробудный,
Март невысохший, словно простынь.
Март безжалостный, он как будто
Раздевается нагло и просто.

Март, как марля, и март, как масло,
Чтобы было легко и скользко.
Лужей снежной и лужей красной
Растворяется жизни горстка.

Покойный, стройный и продольный
Вечер.

Вдоль улицы у фонарей —

У каждого —

Своя доля

Пространства.

Увольте

Меня из жизни,

Глаза устали от убранства

Земли.

Моли-

твы,

Полные листья,

Мне горло гордое изгрызли.

И никого я не обвиню,

Что долю дали,

Что мал удел.

О, пропустите меня к огню,

Где Господь свои ноги грел.

И если святость под стать броне,

Пройти сквозь пламя удастся мне.

Н. Д.

Когда ты идешь
Бесконечный и светлый,
Как лунный столп, —
О! — какое это озаренье.
Ты идешь,
Тебе тесно от мрака коридоров,
Пред тобой расступаются стены,
А мне бы
Надо уйти на край вселенной,
Чтобы продлить счастье
Бежать тебе навстречу.

«Здравствуйте,» — говорю я
И прохожу мимо.

Ты думаешь, яблоня белым жива?
Наивный, невежа, незрячий.
Сияет безумная голова,
Избытком любви горячая.

Легко ль осыпается белым любовь?
Легко ли за грань шагнуть?
Смотри, ударяюсь сияющим лбом
В сестрицу свою — луну.

Весна! И на все мотануть головой —
На числа, судьбу и работу
И даже на то, к чему давно
Артериями примотан.

Смоги, у тебя несерьезный взгляд,
Ты даже в футбол можешь.
Вдохни баламутящий белый смрад
Уставшей от холода кожей.

Я — нет. Я — весна. Я скоро умру,
Не быть голове моей белою.
И потому, потому, потому —
Люблю — это все, что я делаю.

* * *

Если ты Бог,
То зачем по земле ходишь?
Если мужчина,
Зачем же ты так хорош?
Я, посмотри, на тебя
Совсем не похожа.
А ты на других
Совсем не похож.

Ноги твои
Африканских прямей деревьев.
(Верно, приятно ходить
На таких ногах!)
Даже к земле я испытываю
Ревность.
Рядом с тобою —
Смушение, дрожь и страх.

Мне от тебя
Не дана никакая льгота,
Лишь любопытство мое
Оживает в строке:
Ах, неужели там есть
И еще что-то,
Что в рукавах
И в воротнике.

ПРОЩАНИЕ

Я уеду в полудреме
Рано утром, на заре.
Будет голос глух и темен,
Как дорожка во дворе.

Горяча твоя рубашка,
Где-то сердце там горит.
Ты вздохнешь легко и тяжело,
Словно упадешь с горы.

Притворишься снова бодрым
(Перед громом эта тишь!)
«Ну, пока...» — и с миром, с Богом
В путь меня благословишь.

* * *

Базар опустел,
Опустился на город туман.
Горячий дракон
На небе холодном лежит.
Не спрятать руки
В заледенелый карман.
Как торт многослойный,
Свечами горят этажи.

Сомненье и страх
В голодных глазах горожан.
Заря захлебнулась
В слепом, игловатом дыму.
Подумаешь — не на что..
Некуда уезжать!
Стою с фонарем,
Съедая крошечную тьму.

ОСЕНЬ

Прощай, поколение листьев,
Измученное дожелта!
Как ветер, легки мои мысли,
Немыслимо жизнь проста.

Не жаль... Да кому еще дело
До бедной моей головы?
Кружится, кружится осенний демон,
Он ранен, поэтому листья в крови.

* * *

Прощай! Я не знаю, как умирают,
Но слышу я, как кто-то кидает
Гроздь дождя в окно.

Прощай! И не надо воспоминаний,
Слезливая осень враз распинает
Все, что было дано.

Прощай! У дождя нервные срывы,
У нежных капель мокрые рыльца,
Бьющиеся в стекло.

Прощай! Мне на память дождя канонада,
А ты не печалься, словно когда-то
Увидел меня в кино.

Любовь мотыльком
Стучится в окно.
Впустить — не впустить?
В глазах — бесконечно,
В глазах — темно,
Бело от жемчужин в горсти.
Бело, словно в горсти.
Нет никакой гордости,
Когда спирает горло
Любовь.
Словно крест нести —
Любить в бренности.
Хлопают двери,
Любовь — сквозняк!
«Поверьте мне,
Я люблю вас так...
Я пройду сквозь мрак,
Вели, королева!»
Но свистнул поезд,
Как ветер в поле.
Направо, налево
Слова, цветы.
Сквозняк, холодом налитой,
И где-то там, далеко —
Ты.

ТРАВЕСТИ

Хочешь, не буду милой,
Только дружочком в кепке.
Станем соединимы
Дружбою верной, крепкой.

Будем друг другу даром
В праздник и в день рожденья,
Будем читать на пару
Длинные стихотворенья.

Юбки раздам подругам,
Не заведу потомства.
Будем ходить по кругу
Приятельского знакомства.

Я не готова к бою,
Я не способна к мести.
Я назову сестрою
Будущую невесту.

Жен не бывает кровных.
Я уступлю, подвинусь —
Родственницею скромной
Стану тебе на милость.

Как умеют, живут и ценят,
И у каждого свой завет.
Я жила без пути и без цели,
Я жила с царем в голове.

Всем мужчинам с большими глазами
Я большие дарила цветы
И глотала незлобную белую зависть
К их невидящим взглядам с мужской высоты.

Вот мой муж. Целый день по нему скучаю
И лишь на ночь влезаю в его окно.
Дверь от дома закрыта большими ключами
Для меня для одной.

Я стою под окном, я пробила штору
И тюльпан запустила, как парашют.
Его нежные руки, как ветер в шторм,
Меня ловко подхватят и вознесут.

Спит черемуха, сорит последней кудрею.
Спит мой милый, гуляет в последнем саду.
Я исчезну неслышно, окошко открою
И с бесшумностью кошки на землю сойду.

ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ

Мое лицо,
Красивое бровями,
И возмутительное удлиненным носом..
О, как же трудно было моей маме
Меня родить январской длинной ночью!

Моя улыбка — снежное мерцанье,
Застенчивая птица между веток,
Два розовых непокоренных царства,
Затронутые любопытным ветром.

Мои глаза — рождественские свечи
Сквозь иглы елки, словно сквозь ресницы.
Мои глаза изменчивого цвета
Тоски о том, чему зимой не сбыться.

А волосы — распушенность бурана
Курчавой ночью, от паденья черной.
А лоб — равнина, белая поляна,
Опутанная серпантином челки.

В мороз и снег рожденное не вянет,
Но не уйти от страсти и азарта.
Мое лицо, красивое бровями,
Ударится о неизбежность марта.

АДЕЛАИДА

Борису Гребеншикову

Он ноту, словно девушку, берет —
Неторопливо, больно и несмело.
Вот треснет колба, голый красный лед —
Огонь вбежит в застуженное тело.

Как хрупкость замороженных окон,
Как контуры забытого мотива,
Он открывает облачный закон
Любви, дрожащей в тонких переливах.

Не про меня ль беснующийся миф
О ветре северном и о звезде высокой?
Сошелся клином в его горле мир
И вышел голосом, как соколом и соком.

Но на морозе ярче небосвод,
И голос выше, и любовь бездонней...
Не ноту даже, а звезду берет
И долго-долго держит на ладони.

* * *

Рассеивает ветер снежные крупицы.
Зима запорошила стеклянные мечты.
Растаяла снежинка, пробившись сквозь ресницы,
И вытекла слезою из розы золотой.

На елке новогодней искусственные слезы,
А плоть ее живая три дня как умерла.
Хрустальный Дед Мороз, суровый и серьезный,
Снегурочку привел под снежною фатой.

Легка, как серпантин, закрученная в локон,
Жемчужина-душа, приветствуя покой,
Уснула в непроглядной раковине плоти,
Так лихо и единственно для жизни завитой.

* * *

И снова полоска зари,
Вокзальные фонари.
Дороги, деревья, столбы —
Растут на изломе судьбы.

Вагонная рама окна.
Врожденная рана крупна.
И солнцем не излечить
Бессонное тело свечи.

СОДЕРЖАНИЕ

Музыка	5
«Осень кусками глотает жизнь...»	6
«Мне любопытным...»	7
«Сутулая, молодая...»	8
«Промозглая осень...»	9
«Любовь — лучезарный дворец»	10
Да!	11
«Как будто в речке...»	12
«Плакать нельзя...»	13
В кухне	14
«Словно подрезали вену...»	15
«Светлой весны тебе...»	16
«Ваши тюльпаны..»	17
Глаза	18
«Милый! Весна наступила...»	19
«Это изнеженная прозрачная часть руки...»	20
Отражение	21
«Как с корнем вырывают из ушей»	22
«Мой поезд с открытыми окнами»	23
«Милый, запомни движение шеи...»	24
«Блеск в глазах и бедная одежда...»	25
«Песком! Засыпьте меня...»	26
Любовь Велимира	27
«Назад много лет, как ты умер...»	28
«Изменчивый март...»	29
«Весны ароматный последний месяц...»	30
«Чтобы эту тоску уменьшить...»	31
«Я знаю кратковременность весны...»	32

«Мы не жильцы и не продолжатели рода...»	33
«Сегодня ночью вся черемуха...»	34
«Это март для больного мытарства...»	35
«Покойный, стройный и продольный...»	36
«Когда ты идешь...»	37
«Ты думаешь, яблоня белым жива?..»	38
«Если ты Бог...»	39
Прощание	40
«Базар опустел...»	41
Осень	42
«Прощай! Я не знаю, как умирают...»	43
«Любовь мотыльком...»	44
Травести	45
«Как умеют, живут и ценят...»	46
Портрет девушки	47
Аделаида	48
«Рассеивает ветер снежные крупы...»	49
И снова полоска зари.....	50

Заказ 590. Тираж 2500 экз.

АО «Полиграфист» — 656023, Барнаул, Г. Титова, 3.

+++

Как знакомо все и как старинно,
Катерок моя как кель-то
повторяет

Игнатовку неведет арлекин
Курсаком размазывает грим

Это верно, это уже

Это будет верно и потом
Крутишь арлекин ведет
уноса

~~Курсаком размазывает грим~~

Уноса есть арлекинские уносы

Но не в себе в пестотком
мешкаре до

Наш придет шорех мими,
Ваня если кто-то играет
редом

Ано моча в правых играх.



